

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

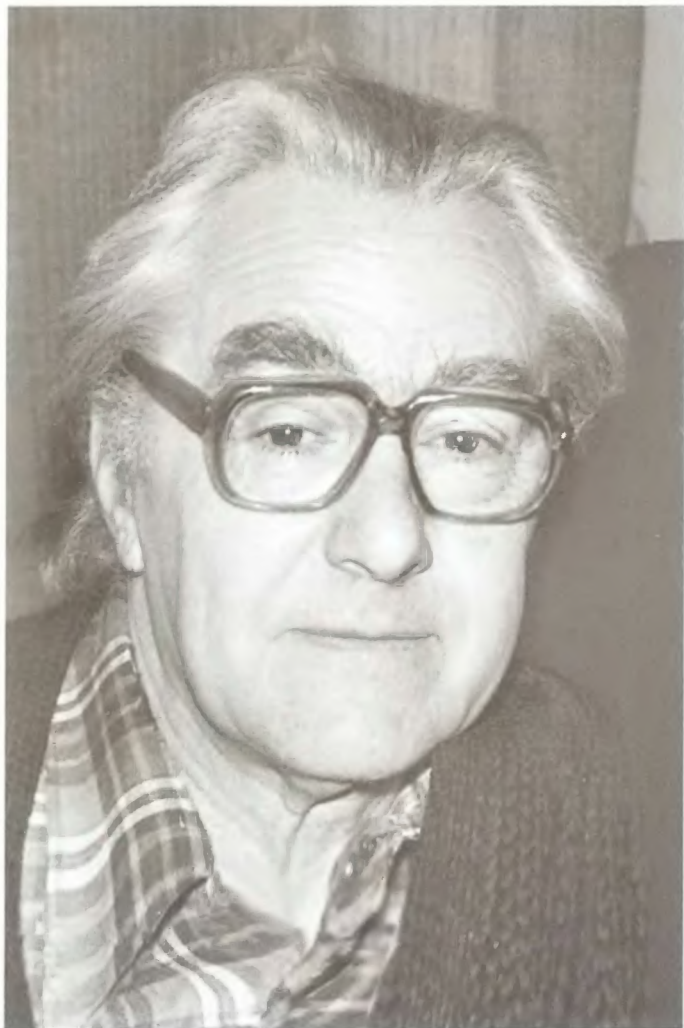
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSCHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
---	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM	285
--	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (translated by <i>G.V. Bondarenko</i> , <i>S.V. Shkunaev</i> , notes by <i>G.V. Bondarenko</i>)	363
--	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (translation and notes by <i>Ye.A. Gurevich</i>)	390
---	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ*

Служба бояр князю – один из первых примеров, на который обычно ссылаются, утверждая существование феодализма в средневековой Руси. При этом она интерпретируется как вассалитет, основанный на землевладении (“вассально-ленные отношения”): бояре-вассалы вступают в служебный договор с князем-сюзереном, и судьба их вотчин и поместий так или иначе оказывается в зависимости от этой службы. В таком духе высказывался уже Н.П. Павлов-Сильванский, первый историк, который последовательно и систематически пытался доказать, что Древняя Русь представляла собой феодальное общество; в советской историографии эту мысль развивали С.В. Юшков и В.Т. Пашуто¹.

Однако есть целый ряд явлений, связанных с боярской службой, которые не укладываются в эту интерпретацию или плохо согласуются с ней. В историографии уже обращалось внимание на ее наиболее уязвимое место – в источниках не прослеживается прямая связь службы с землевладением. Вообще, землевладение сеньориального типа вплоть до XIV в. если и существовало на Руси, то в любом случае не имело первостепенного значения; основные доходы знать в Древней Руси извлекала не из эксплуатации земельных владений (вотчин), а из военной и административной службы князю (т.е. обогащалась военной добычей и доходами от исправления должности – так называемыми кормлениями). Поборниками идеи “русского феодализма” не принимался во внимание также тот факт, что бояре в средневековой Руси нередко вступали в отношения с князем корпоративно как представители “земли”, принимавшие его в качестве правителя на определенных условиях. Такого рода порядок получил наиболее яркое выражение в русских средневековых городах-“республиках” (прежде всего в Новгороде и Пскове), однако он обнаруживает себя также и в других древнерусских землях, особенно в эпоху, непосредственно предшествовавшую монгольскому нашествию (конец XII – начало XIII в.). Коллективизм и связь боярства с городской организацией – явления, которые с феодализмом ничего общего не имеют.

Мои исследования обрядовой стороны взаимоотношений князя и знати в средневековой Руси показывают, что и в этом аспекте прямые аналогии с западноевропейскими порядками не обнаруживаются. Древнерусские ритуалы вступления на службу князю и оставления ее не могут быть сопоставлены, вопреки утверждениям

* I would like to acknowledge support received from the INTAS, which contributed to this article.

Н.П. Павлова-Сильванского², ни по сути, ни формально с западноевропейскими (оммаж, инвеститура и т.д.). Более того, присягу верности служилые люди стали приносить государю только в относительно позднее время – не ранее середины XIV в., и она носила не частноправовой, а публичный, государственно-служебный характер, т.е. в сущности это была присяга подданных, а не вассалов. До этого времени, утверждая (или подтверждая по какому-то случаю) отношения верности и службы с князем, бояре и служилые люди лишь произносили некоторые условные формулы общего содержания (“готовы за тебя голову положить” и т.п.)³.

Разумеется, нельзя отрицать существование некоего вассально-договорного начала в отношениях князя и знати, но, очевидно, нельзя также постулировать его принципиально определяющий характер и строить на этом фундаменте какие-либо “феодальные” конструкции.

В целом вырисовывается довольно сложная картина отношений правителя и знати в Древней Руси и, в частности, организации боярской службы, в которой распознаются как некоторые аналогии явлениям, известным в других частях средневековой Европы, так и явные черты своеобразия. Конечно, эти аналогии можно более или менее удобно разместить в “феодальной модели” древнерусского общества, но проблема в том, что всегда будут оставаться некие черты, заставляющие говорить о “не вполне развитом характере” этого общества, “упущенных возможностях” и т.д. А из этого следуют утверждения об “отставании” исторического развития Руси, или, наоборот, о “забегании вперед” или “пробегании” определенных этапов⁴. В итоге, хотя, кажется, никто не сомневается, что древнерусское общество развивалось по своим собственным законам и путям, целостного и внутренне связанного представления об этих законах и путях не складывается. Такого рода проблемы интерпретации ясно обнаружатся, если мы посмотрим, как в существующих концепциях истории средневековой Руси трактуются вопросы, связанные с боярской службой.

В концепциях “закрепощения сословий” и “вечевых оснований” древнерусского строя, которые господствовали в досоветской историографии, подход к оценке отношений князя и служилого класса был задан идеей о трансформации дружинного строя в самодержавный – от “вольности” к “подданству”. Впрочем, этим отношениям вообще не придавалось принципиального значения – основными действующими лицами на исторической арене были правители и “народ”; с исчезновением дружинной организации знать представляла лишь инструментом в руках власти. Такой подход подразумевал резкое противопоставление России Европе (откуда потом выросла теория “русского деспотизма”) и не давал внятной

оценки периоду XIII–XV вв.: ведь поскольку к концу XII в. фиксировались явные признаки распада дружинного строя, период до обривования московского самодержавия (конец XV в.) представлял как-им-то переходным (так называемый удельный период, когда, по выражению Н.М. Карамзина, Русь “гибла от разновластья”). Во многом именно этим объясняется, почему вопрос о “русском феодализме”, впервые серьезно поставленный Н.П. Павловым-Сильванским, приобрел такую остроту.

Прямолинейное сопоставление организации служилого класса Руси с западноевропейской вассально-ленной системой, принятое среди советских историков, как уже сказано, вызывает больше вопросов, чем дает ответов. В настоящее время в изучении древнерусской истории существуют три подхода. Два из них пытаются “спасти” “феодализм” на Руси, предлагая расширить само это понятие: в одном случае говорится о “государственном феодализме”, во втором (этот подход предложил петербургский историк М.Б. Свердлов) – о феодализме, основанном на “неземельных феодах”. К сожалению, на деле это расширение мало что дает: само понятие феодализма выхолащивается, и феодальным при желании уже можно объявить едва ли не любое общество в истории человечества⁵. Если же посмотреть, как осмысливается наша тема, то увидим, что просто повторяется старая идея: развитие шло от “вольной” дружины к схеме “государь–подданные”, а как характеризовать строй отношений правителя и знати *после* разложения дружины и *до* формирования самодержавного строя – неясно. Эти вопросы не существенны для третьего подхода, представленного так называемой “школой И.Я. Фроянова”. Этот историк отказывается в объяснении древнерусского общества домонгольской эпохи от “феодальной модели”, потому что она подразумевает существование классов и классовых антагонизмов. Согласно теории “общинности без первобытности” (термин А.И. Неусыхина), это общество являлось монолитной “общиной”; отношения власти и подчинения описываются как “потестарные”, т.е. не вполне государственно-классовые, и они отступают на самый задний план. В этой “общинности” знати или элите места не отводится, а вопрос о том, куда и как дальше шло развитие в XIII–XV вв., вообще не ставится. Стремление И.Я. Фроянова обозначить “особый путь” Руси представляет собой, очевидно, реакцию на попытки вписать историю России в европейские схемы, однако удовлетворительной его теорию – единственную на сегодняшний день альтернативную “феодальной модели” – признать нельзя, во всяком случае, для объяснения интересующих меня вопросов.

Тенденцией, господствующей сегодня в историографии, является не противопоставление России и Западной Европы, но, напротив,

их сближение. В то же время, поскольку “феодальная модель” не оправдала себя, наблюдается явный дефицит интерпретаций, которые бы ясно и конкретно обозначали единство исторических путей России и Европы. В этой ситуации, как мне кажется, новый взгляд на средневековое общество, предложенный А.Я. Гуревичем, особенно ценен для историка-русиста.

Хотя А.Я. Гуревич концентрирует внимание на слое “рядовых свободных домовладельцев” и крестьянском мире, но общий вывод, что средневековая европейская цивилизация не исчерпывается “феодальной ипостасью”, с нашей точки зрения, позволяет по-новому взглянуть и на элиту. Высвобождая из “феодальных пут” основную массу низших слоев – свободное крестьянство, – было бы неправильно оставить в них элиту и властные сферы. Мир элитных слоев средневекового общества и их образ жизни тоже совсем не ограничивался вассально-ленными отношениями и эксплуатацией зависимых крестьян. Русский материал демонстрирует это еще более отчетливо, чем европейский: вассалитет здесь выражен слабее, зато большее значение сохраняют дары, пиры и некоторые другие явления (о которых дальше) в качестве, как выражается А.Я. Гуревич, “важнейших узлов межличностных связей”. Для отношений князя и знати и принципов боярской службы этот момент социального общения и взаимной связи дарами и услугами оказывается, с моей точки зрения, чрезвычайно важным. В разных местах и в разное время он мог облекаться в разные формы, в том числе такие, которые можно трактовать и как “вассальные”, но его архаическое происхождение и в то же время живучесть на протяжении всего Средневековья заставляют говорить о его структурообразующем, “архетипном” характере. Эти “узлы межличностных связей” работали в качестве факторов социально-культурного объединения не меньше политических и экономических на единство элиты, создавая из нее реальную общность и способствуя ее организации.

Я выделил несколько такого рода “узлов”, которые обнаруживаются на русских материалах, наверное, не все, но наиболее бросающиеся в глаза; перечислю их с некоторыми примерами.

Прежде всего пир – наиболее естественный и традиционный, уходящий корнями в глубокую древность, институт, который обеспечивал социальное общение и служил укреплению межличностных связей. Совместные трапезы как форма общения и взаимодействия разных социально-политических сил обнаруживаются практически на всех уровнях и во всех социально-культурных сферах: город, волость, отношения князей, внешние сношения, монастырь, но также и придворная жизнь, тон в которой задавали князь и его бояре. В наших источниках не так много упоминаний и тем более описаний дружинных или позднее придворных пиров, но важно, что эти упомина-

нии сохраняются на протяжении всего Средневековья и однозначно свидетельствуют о большом значении этого института в жизни элиты. Наиболее известны древнейшие красочные описания пиров Владимира Святославича, крестителя Руси, которые он устраивал для дружины и киевлян⁶. Эти совместные трапезы служили средством укрепления единства элиты и решения внутренних конфликтов, формирования “общественного мнения”, проявлением заботы властей предрежащих о “сырых и убогих” и т.д.

Но есть и более поздние примеры. В начале XIII в. в летописи рассказывается об оскорблении князя Даниила Романовича одним из галичских бояр Молибоговичей, нанесенном во время пира – оскорблении, ставшим не только ярким эпизодом, но и своего рода символическим выражением борьбы боярства с Даниилом за власть в Галиче⁷. К 1433 г. относится известная история о золотом поясе, который принес на пир, устроенный по поводу свадьбы великого князя Василия Васильевича, будущего Темного, его двоюродный брат Василий Косой. Этот пояс, бывший во владении одного из виднейших московских боярских родов и якобы подмененный в свое время тысяцким Вельяминовым, стал поводом ссоры между князьями и боярами на пиру, с которого, как писал летописец, “много зла ся почало”, т.е. началась грандиозная смута в Северо-Восточной Руси второй четверти XV в.⁸ Таким образом, события существенные для судеб князей и представителей древнерусской знати, а также и для политического развития русских земель, происходят именно в моменты собрания и общения элиты на пиру; поведение участников этих событий определенным образом фиксируется в общественном сознании и осмысливается в культурной традиции.

О значении пиров в истории древнерусской знати говорит происхождение такого известного явления, как местничество. Хотя как институт оно сформировалось только в XV–XVI вв., но понятие “место” уходит корнями в древность, и есть основания связывать его происхождение с тем местом, которое должен был занимать согласно своему достоинству и заслугам дружинник во время дружинного пира. Конечно, позднее имелось в виду уже в более широком смысле место при дворе, т.е. позиция, статус, “чин” боярина и его рода. Но в художественном мире былин, отразивших и древнейшие реалии, когда общественная жизнь складывалась не под влиянием строгих юридических норм, а общих условий быта, “место” – это прежде всего место на пиру⁹.

Сложению и укреплению “межличностных связей” между правителем и знатью, конечно, способствовали и дары. Обмен дарами и, шире, услугами выступает фактором социального объединения и общения, как и пиры, в самых разных сферах и на разных уровнях, но также и между князем и знатью. Правда, одаривание носи-

ло в данном случае скорее односторонний характер: от князя боярину, и смысл его был в том, чтобы не только вознаградить дружинника, но и привязать его к себе силой (иногда воспринимавшейся даже как магическая) тех этических обязательств, которые накладывал дар на его получателя¹⁰. Со своей стороны, дружинник предоставлял князю услуги, и тем самым их отношения приобретали двусторонний и даже в каком-то смысле взаимный характер. Отличие Руси от Западной Европы в том, что этот момент взаимности, изначально общий для славянской и германской (по-видимому, также и кельтской) дружин, на Руси столкнулся не с частноправовым началом подчинения (коммендация, патронат), а с государственным, подкрепленным определенными христианскими идеями. Западноевропейский вассалитет сложился из сочетания договорного принципа с началом господства и подчинения (ср. возможную этимологию слова *vassus* – от древневаллийского *guas*, “слуга”), а на Руси в отношениях князя и знати это начало проявляется только приблизительно с конца XII в. и сразу включается в христианскую парадигму в связи с идеей богоустановленности власти¹¹. Бояре иногда называют себя холопами, а князя, которому они служат, господином, но это надо понимать не как патронат или вассалитет, а как выражение подданства¹².

Любопытно, что в средневековой Руси тогда, когда речь шла о боярской службе, дары упоминались вместе с “честью”. В древнейших летописях неоднократно повторяется мысль, что “любовь” князя к его дружине должна выражаться в “чести и дарах”, и это выражение становится почти формулой. Понятие чести было многозначно, но главным и исходным было обозначение социального статуса и достойного поведения в глазах общества¹³. Думаю, что его сопряжение с понятием дара неслучайно – совместным употреблением этих слов выражалась мысль, что дар князя верно служащему ему боярину – это не только признание заслуг последнего со стороны первого, но и обеспечение социального статуса боярина, подтверждение его выдающегося, приближенного к князю, а значит к власти и богатству, положения. Неслучайным также кажется и вытеснение в этом контексте понятия “честь” словами “милость” и “жалование” к XIV–XV вв. – в княжеском вознаграждении теперь важен сам акт милости правителя к подданному. Таким образом, в древности боярская служба нацелена на обретение “чести”, а позднее – на пожалования или милости.

В отношении элиты важным фактором социального общения и объединения была также, с нашей точки зрения, военная деятельность. Для средневековой знати эта деятельность была собственно ее главной “профессией”, в этом прежде всего состояла ее служба, это приносило и основной доход. Однако не менее, а может быть и

Более важно также то, что война для знатных людей была и образом жизни, а для многих, наверное, даже смыслом жизни. Я думаю, совместные военные предприятия разного рода, объединявшие самых разных людей, но в наибольшей степени и на регулярной основе именно представителей высших слоев, можно с полным правом причислить к основным “узлам межличностных связей” эпохи Средневековья, таким же, как пиры и обмен дарами. Не стоит распространяться по поводу того, что война была образом жизни знати и особым социо-культурным феноменом традиционного общества, – об этом в историографии писалось много, в том числе и на русских материалах (правда, все-таки скорее с точки зрения политической или институциональной¹⁴). Приведу только одно наблюдение, которое у меня сразу появилось, когда я сопоставил войну с пирами и дарами в указанном смысле.

Удивительно и в то же время весьма показательно, что пир и война сближались самими древнерусскими людьми в художественно-метафорическом языке образов, символов и понятий. Хорошо известны слова уже упоминавшегося Владимира Святославича, сказанные болгарскому проповеднику ислама. Последний говорил, что его религия требует “вина не пити”, на что русский князь ответил: “Руси есть веселье питье, не можем бес того быти”¹⁵. Конечно, речь здесь идет не об “алкогольной зависимости” русского народа. Главное в этих словах – признание необходимости и важности совместной трапезы для русских; очевидно, пир выступает и фактором, и манифестацией единства дружинной Руси. Но обратим также внимание на характеристику Владимиром совместного “пития” как “веселья” и перенесемся на двести лет вперед в конец XII в. То же самое слово появляется в “Слове о полку Игореве”, но уже совсем в другом контексте. Здесь передается речь бояр киевскому князю Святославу Всеволодичу, которые объясняют его сон и рассказывают о поражении Игоря; в конце они предупреждают князя о предстоящей борьбе с половцами и заканчивают: “а мы уже дружина жадни веселия”¹⁶. Очевидно, этими словами бояре выражают свою горячую готовность к новым ратным подвигам, причем прямо говорят, что предстоящая война должна стать для них “веселием”. Такое понимание военной деятельности далеко не случайно. Оно связано с одним из ведущих образов в художественном мире “Слова” – сравнение битвы с пиром. Так, например, описывается печальный исход сражения Игорева войска с половцами: “Ту кровавого вина не доста. Ту пир докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую”¹⁷. В данном случае картина кровавого пира конкретизируется указанием на то, что этот пир был свадебный, – и это также имеет свое обоснование и развитие в сложной сети символов и метафор, которую плетет автор “Слова”¹⁸. Но для нас важно отме-

тить, что в принципе как в приведенных цитатах, так и в других местах битва уподобляется пиру, кровь – вино, исступление в бою – утолению жажды, а настроение, которое оказывается общим для обоих предметов сравнения, описывается как “веселье”. Мне кажется, в этом уподоблении, которому также находятся параллели в более поздних памятниках древнерусской литературы и в фольклоре, сказывается не только художественная смелость автора “Слова”, но и глубокое родство пира и битвы как социо-культурных явлений средневекового общества. За “весельем”, которое сближает пир и битву, стояло не просто удовольствие, но радость самовыражения и самоутверждения личности в обществе людей, близких по образу жизни и духу. Если людьми той древней эпохи, носителями архаического сознания, родство этих явлений осмыслялось образно-ассоциативно, то задача современного историка лишь в том, чтобы почувствовать это родство и продемонстрировать его с помощью рационально-систематических методов.

В целом, мне близка мысль о том, что средневековое общество функционировало благодаря определенным формам социального общения. Я бы особенно подчеркнул, что они обнаруживают себя на разных уровнях: не только в среде рядовых свободных людей или между ними и правителем, но и внутри элиты и в отношениях между ней и правителем, свободными и зависимыми людьми. Поиск и описание этих форм (“узлов межличностных связей”) дадут возможность увидеть другое, не феодальное или далеко не только феодальное, Средневековье. Явления, которые можно характеризовать как такого рода “узлы”, оказываются чрезвычайно многосторонними и многофункциональными, и в них как в “магическом кристалле” отражаются разные грани общественной жизни эпохи Средневековья. Мне кажется, речь должна идти не только о пирах и дарах, хотя значение совместной трапезы или дара, нередко освященных религией или традицией, трудно переоценить. Такими же “узлами” были и другие жизненные сферы и ситуации, в которых так или иначе происходило взаимодействие отдельных личностей и социальное общение между ними, верификация, легитимизация и обновление человеческих связей и отношений: разного рода другие, кроме пиров, собрания, обмен не только дарами, но и информацией, услугами и т.д. В случае с элитой (знатью), как нам кажется, особенно велико значение военной деятельности в этом смысле.

Такой подход, как я попытался показать здесь на нескольких примерах, оправдывает себя и на русских материалах. Абстрагируясь от “феодальной ипостаси”, которая и без того слабо обнаруживает себя в сфере отношений князя и знати в средневековой Руси, благодаря этому “антропологическому” подходу мы не только находим новое измерение в оценке этих отношений, но и по-другому (и как ка-

жется, более перспективно) можем сравнить исторические пути России и Европы: не с точки зрения наличия или отсутствия “феодальных” институтов, а в поиске конкретно-исторического выражения (каждый раз своеобразного и уникального) общих принципов и форм отношений между людьми (“узлов межличностных связей”).

- 1 См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939; Пашуто В.Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- 2 Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 97–104, 429–441.
- 3 См.: Стефанович П.С. Давали ли клятву верности служилые люди князю в Средневековой Руси? // Мир истории: Электронный журнал. 2006. № 1 (www.historia.ru).
- 4 Ср., например, выводы, к которым пришел В.Д. Назаров, задавшись вопросом о том, существовало ли рыцарство на Руси: по его мнению, «феномен рыцарства западноевропейского типа так и остался в истории России нереализованной возможностью»; одной из причин этого было то, что «Россия, по-видимому, слишком быстро “пробежала” дистанцию от ранних стадий средневекового общества (особенно с учетом фазы регенерации в конце XIII – начале XIV в.) к эпохе единой национальной монархии. В результате промежуточные этапы и характерные для них социальные явления оказались “смазанными”». См.: Назаров В.Д. Нереализованная возможность: существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках? // Одиссей: Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 126.
- 5 См.: Лукин П.В., Стефанович П.С. Рец. на кн.: Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси: VI–XIII вв. СПб., 2003 // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6.
- 6 Полное собрание русских летописей. (Далее: ПСРЛ.) Л., 1926. Т. 1. Стб. 125–126.
- 7 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 763.
- 8 ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 250. О свадебном пире и событиях вокруг него см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 335–344.
- 9 См.: Мрочек-Дроздовский П.Н. О древнерусской дружине по былинам. М., 1897. С. 75 и след.
- 10 См.: Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 1: Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999. С. 234. Ср. также попытку развить эту мысль на русских материалах: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 115–125.
- 11 См.: Стефанович П.С. Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках // Отечественная история. 2004. № 1. С. 15–16.
- 12 Флоря Б.Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России в XVI–XVII вв. // Одиссей: Человек в истории. 1992. М.,

1994. С. 213. Ср.: Горский А.А. О происхождении “холопства” московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 80–83.
- ¹³ См.: Стефанович П.С. Древнерусское понятие чести в памятниках литературы домонгольской Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2. С. 86–87.
- ¹⁴ Так, например, писал М. Грушевский о византийских и других внешних походах Руси IX–XI вв.: “Эти походы, которые были венцом тогдашней дружинной организации, соединяли в один организм всю дружинную организацию, раскинутую по всей территории государства, давали чувствовать единство государства и тем самым были для нее очень важны”. См.: Грушевський М.С. Історія України-Русі. Вид. 2. Львів, 1905. Т. I. С. 428.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85.
- ¹⁶ Ироическая песнь о походе на Половцов удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. С. 26.
- ¹⁷ Там же. С. 18.
- ¹⁸ См.: Гаспаров Б.М. Поэтика “Слова о полку Игореве”. М., 2000. С. 70–80.